

УДК 929.52+656.071.61+614.255.3
DOI: 10.56871/4841.2022.38.70.010

НЕИСТОВАЯ ВЕРА (К 170-ЛЕТИЮ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ ФИГНЕР)

© Александр Павлович Щербо

Медицинский центр Корпорации РМІ. 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Гороховая ул., д. 6

Контактная информация: Александр Павлович Щербо — член-корреспондент РАН, д.м.н., профессор, заместитель генерального директора по научной работе. E-mail: ashcherbo@yandex.ru

Поступила: 07.06.2022

Одобрена: 05.09.2022

Принята к печати: 30.09.2022

РЕЗЮМЕ: В статье сделана попытка прикоснуться к сложным судьбам двух ярких представителей общественной жизни и медицины до- и послереволюционной России — З.Г. Френкеля и В.Н. Фигнер. Каждый из них прожил долгую жизнь, не без труда нашёл своё место в советской России, оставил значительное интеллектуальное наследие. Академик АМН СССР З.Г. Френкель — в области общественной медицины, В.Н. Фигнер — в немалом литературном творчестве, где отражён её драматический путь члена Центрального Комитета партии «Народная воля». В связи со 170-летием со дня её рождения приведены воспоминания современников об этой незаурядной и целеустремлённой женщине, её роли в революционном движении, о её неповторимых личных качествах. О народовольцах, и о Вере Фигнер в частности, существует большая литература. Настоящая статья не претендует на сколько-нибудь заметный вклад в эту обширную библиографию; автор ставит своей целью в эти юбилейные дни лишь напомнить читателю о незаурядном человеке, который оставил яркий и неоднозначный след в истории нашей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вера Фигнер; вера в идеалы; стойкость; обаяние; мужество; юбилей; литературное наследие.

FRANTIC VERA (TO THE 170th ANNIVERSARY OF VERA NIKOLAEVNA FIGNER)

© Alexander P. Shcherbo

The Medical Center of the corporation «Petersburg Music Industry». Gorokhovaya str., 6. Saint-Petersburg, Russia, 191186

Contact information: Alexander P. Shcherbo — RAS, Prof., MD, PhD, Deputy Director General for Scientific Work.
E-mail: ashcherbo@yandex.ru

Received: 07.06.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 30.09.2022

ABSTRACT: The article attempts to touch on the complex destinies of two prominent representatives of public life and medicine of pre- and post-revolutionary Russia — Z.G. Frenkel and V.N. Figner. Each of them lived a long life, not without difficulty finally found one's own place in the life of Soviet Russia, and left behind a significant intellectual legacy. Academician of the Academy of Medical Sciences of the USSR Z.G. Frenkel — in the field of public medicine, V.N. Figner — in an essential literary work, which reflects her dramatic path as a member of the Central Committee of

the «Narodnaya Volya» party. In connection with the 170th anniversary of her birth, the memoirs of contemporaries about this extraordinary and purposeful woman, her role in the revolutionary movement, and her unique personal qualities are presented. There is a lot of literature about the «Narodnaya Volya» party, and about Vera Figner in particular. This article does not pretend to make any significant contribution to this extensive bibliography; the author aims at these jubilee days only to remind the reader of an extraordinary person who left bright and ambiguous mark in the history of our country.

KEY WORDS: Vera Figner; faith in ideals; perseverance; charm; courage; anniversary, literary heritage.

Долго и, в общем, безуспешно искал живое и точное прилагательное, выразительный эпитет к имени Вера, что в заглавии. Не вообще, а только для Имени мятежного лидера народо-довольцев Веры Фигнер (рис. 1). Чтобы такое определение, в возможно полной мере, отражало бы её сущность, её **веру**, её характер, её главную черту — стержень, туго натянутую тетиву, струну её натуры, как в смысле высокого звучания, так и во всех прочих смыслах, включая её неколебимый жизненный вектор. И что определило всю её исполненную драматизма долгую жизнь.

Словари подсказывают, что «неистовый» — это находящийся в состоянии неистовства, иступления, несдержанный в проявлении своих чувств. Александр Сергеевич, к примеру, в «Руслане и Людмиле», ярко формулировал так: «И вдруг, неистовый, ужасный, стремится вить по садам, Людмилу с воплем призывает, с

холмов утесы отрывает, всё рушит, всё крушит мечом...». Ну, и тому подобное.

Нет, это, пожалуй, не про Веру Николаевну. Хотя... Как не вспомнить беспрецедентное по жестокости убийство Императора под воительством двух фурий — Перовской и Фигнер. Воистину «...с холмов утёсы отрывает...».

Другое толкование всё же поближе: неистовый — чрезвычайно сильный в своём проявлении, например, неистовый порыв, неистовое упорство. Вот такую природу личности и мировоззрения Веры Николаевны попробуем здесь прокомментировать. Не ставя при этом задачи планомерного изложения её биографии — в литературе и в сети она представлена широко и, порой, что неудивительно, с весьма крайних точек зрения.

Некоторая часть моих публикаций посвящена одному из предшественников по хлопинской кафедре ГИДУВа довоенных лет академику АМН СССР Захарию Григорьевичу Френкелю. В главной из них была небольшая глава о Вере Фигнер, поскольку Захар Френкель, тогда ещё не академик, а всего лишь член ЦК партии кадетов, в переломные для страны годы был с нею знаком. В названии этой главы издатель допустил опечатку, единственную на всю 584-страничную монографию, и поэтому особенно досадную [8]. Вместо «Вера Фигнер» стояло «Вара Фигнер», отчего всякий раз при передаче кому-либо книги приходилось «неправильную» букву подчищать и исправлять. При этом понятно, наталкивался на имя мятежницы и в очередной раз пытался вспомнить, что же я знаю об этом человеке, кроме того, что написал в книге в 2009 году.

Так было и на этот раз; как и все, я помнил, что Веру Николаевну советская власть не очень-то жаловала: с одной стороны, она боролась с проклятым царизмом, с другой — возмутительно прохладно отнеслась к октябрю 17-го, чего никогда не скрывала. Во всяком случае, в школьной программе 50–60-х, когда я учился, среди декабристов, разбуженного ими Герцена, а также Чернышевского и Перовской с Желя-

Рис. 1. Вера Николаевна Фигнер

Fig. 1. Vera N. Figner

бовым, Вера Фигнер особенно не звучала. Упоминалась как-то вскользь. Может быть потому, что перечисленные граждане не дожили до октябрьской революции и не успели выразить к ней своё отношение. А две Веры, вспомним и Засулич, дожили и сформулировали.

Глянул год рождения Веры Николаевны — ба, 1852-й! Значит, в этом году 170 лет со дня её рождения. Любопытно, кто нынче, кроме нашего журнала, вспомнит об этом «полукруглом», но достойном юбилее.

В сложных судьбах Френкеля и Фигнер прослеживается и некоторое сходство. Их жизнь протекала в двух контрастных эпохах, правда, Вера Николаевна была старше на 17 лет, и более значительный, 65-летний отрезок её 90-летней жизни пришёлся на время империи. Столетняя жизнь Захара Френкеля распределилась по эпохам почти поровну.

Но это арифметика, которая мало что значит. Важнее то, что к октябрю 1917-го наши герои пришли давно сложившимися гражданами России, с бескомпромиссной политической позицией в отношении царского режима, радикальность которой, правда, была далеко не одинаковой. Оттого и их преследование царизмом было категорически разным: Захар Григорьевич, будучи депутатом самой первой Государственной Думы, за подписание Выборгского воззвания в 1906 году, «отделался» всего несколькими месяцами тюрьмы, тогда как Вера Николаевна за убийство царя в 1881-м, выслеженная двумя годами позже, была приговорена к повешению, заменённому через несколько дней пожизненной каторгой.

Сходство судеб и в том, что после Октября как Вере Николаевне, так и Захару Григорьевичу, с их биографиями и неприятием октябрьского переворота, надо было ещё как-то выжить. Невероятно, но это им удалось. Конечно, ценой тяжёлых переживаний и вынужденного внутреннего компромисса. Не забудем, кстати, что оба наши героя были не только общественными деятелями, но и медиками: за плечами Захара был Дерптский университет, который он окончил в 1896 году, правда, без особого блеска; у Веры — почти завершённый врачебный курс Цюрихского и Бернского университетов и, позже, фельдшерская школа ещё в дореволюционной России.

Заметим, что до врачебного диплома Вере оставался один семестр; она мучительно решала: завершать образование или немедленно вернуться в Россию и присоединиться к единомышленникам в служении угнетённому народу. Пожертвовав благополучным браком с

Алексеем Филипповым, который учился вместе с ней, в 23 года Вера вернулась в Россию. Через год, в 1876-м, она успешно сдала экзамены на диплом фельдшера. Несколько лет, под постоянным давлением и надзором, Вера совмещала подпольную работу с фельдшерской практикой в глубинке Саратовской губернии. Этот её «врачебный» период продолжался до 1879 года, когда она перешла на нелегальное положение и покинула губернию. До динамитных бомб 1881 года оставалось совсем немного...

1 сентября 1917 года, после разгрома Корнилова, Временное правительство провозгласило образование Российской Республики. До формирования нового кабинета была создана Директория из пяти членов: А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.М. Никитин, генерал А.И. Верховский и адмирал Д.Н. Ведеревский. Все они вошли в третьё, и последнее, коалиционное правительство, которое сформировал А.Ф. Керенский 25 сентября.

3 сентября в «Известиях» сообщалось о «Созыве в Петрограде съезда всей организованной Демократии в России для создания сильной революционной власти, способной объединить всю революционную Россию для отпора внешним врагам и для подавления всяких покушений на завоёванную свободу». 14–22 сентября такой съезд, названный Всероссийским Демократическим совещанием (1582 делегата), состоялся и принял решение о создании Временного Совета Российской Республики — Предпарламента из 555 человек. В Совет, среди других представителей конституционных демократов, был избран и Захар Френкель.

В Предпарламент вошла и Вера Фигнер, уже 65-летняя, за плечами которой было двадцать лет Шлиссельбургской одиночки. Для понимания её характера, а также природы тех драматических событий, — «почему всё случилось так, как случилось», — приведём письмо Веры Николаевны двоюродной сестре Н.П. Куприяновой, которое она написала ещё 21 сентября во время работы Демократического совещания: *«Все утомлены фразой, бездействием, и вяжем безнадежно в трясине наших расхождений. Только большевики плавают, как щука в море, не сознавая, что своей необузданностью и неосуществимыми приманками тёмных масс постыдно предают родину немцам, а свободу — реакции. Ни у кого нет и следа подъёма благородных чувств, стремления к жертвам. У одних потому, что этих чувств и стремлений у них вообще нет, а у других потому, что они измучены духовно и телесно, подавлены*

величиной задач и ничтожеством средств человеческих и вещественных для выполнения их. У меня лично, конечно, от того, что в прошлом был громадный, тяжёлый опыт, разбиивший бесполезные иллюзии относительно духовного облика средних людей, — с самого начала не было радостного возбуждения, великого чаяния, что свобода будет водворена без тяжких потрясений, а Россия не раздавлена несчастной войной» [4].

Позже Вера Николаевна вспоминала: «Я была членом Предпарламента, оценивала его, как говорильню, которую стоит уничтожить, тем не менее, когда пришли солдаты с приказом очистить Мариинский дворец, я чувствовала себя глубоко униженной и была в числе меньшинства, голосовавшего за то, чтобы не расходиться и быть удалёнными силой. Роспуск Учредительного собрания¹ был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивно-го благоговения веривших в него масс...» [2].

Вот такое живое слово Веры Николаевны и людей, которые её знали, представляется более важным сегодня, чем многие работы знатоков и интерпретаторов революционного движения в России, а также личности, образа и характера В.Н. Фигнер. Невозможно при этом уйти от соблазна вспомнить хотя бы несколькими словами впечатления о ней Викентия Вересаева, когда-то делившего с Захаром Френкелем комнату в общежитии Дерптского университета. Вересаев и Фигнер познакомились накануне Февральской революции, когда в московском литературно-художественном кружке Вера Николаевна читала свои воспоминания: «На чтении, сколько я помню, присутствовали В.Я. Брюсов, И.А.² и Ю.А. Бунины, Б.К. Зайцев, А.С. Серафимович, Н.Д. Телешов, А.Н. Толстой, И.С. Шмелёв и др. Один из товарищей, впервые увидевший Веру Николаевну, был изумлён безмерно:

— Я думал, увижу косматую, безобразную нигилистку, с грязными ногтями, размахивающую руками, и вдруг, — какая красота, какое изящество!

И правда: ей было за шестьдесят лет, но и теперь она поражала сдержанно-гордой, властной красотой и каким-то прирождённым изяществом. Что же было, когда она была молода!» [3].

¹ После Предпарламента (сентябрь-октябрь 1917-го) В.Н. Фигнер была избрана и членом Учредительного собрания, которое было разогнано в январе 1918-го.

² Иван Алексеевич, который собратьев по перу не щадил, о публицистике Веры Николаевны однажды заметил: «Вот у кого нужно учиться писать».

Рис. 2. Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. Обложка книги

Fig. 2. Voronikhin A.V. Vera Nikolaevna Figner. A look at the woman of the Russian revolutions from the XXI century. Book cover

В. Вересаев вспоминает фотографию Веры Николаевны 1883 года, которая была сделана для Александра III после её ареста (современный биограф В.Н. Фигнер Андрей Воронихин вынес этот портрет на обложку своей недавней книги [4], рис. 2): «Невозможно себе представить более трагического лица. Но невозможно представить и более трагического положения, вызывавшего такое лицо... 10 февраля 1883 года, преданная Дегаевым, Фигнер была арестована. Тут и была снята с неё фотография, о которой я упомянул. Изумительный портрет по глубочайшей, безысходной трагичности прекрасного лица. И когда смотришь на этот портрет, как смехом становится трагизм разных Федр и Медей, леди Макбет и Дездемон! Мелкие любовные делишки, мелкая месть, своекорыстные преступления. А здесь... Фигнер вспоминает: “Революционное движение было разбито, организация разрушена, исполнительный комитет погиб до последнего человека. Народ и общество не поддержали нас. Мы оказались одиноки...”

Веру Фигнер судили. Суд приговорил её к смертной казни. Через восемь дней объявили, что государь император всемилостивейшее изволил заменить ей смертную казнь каторгой

без срока. Надели на неё пропитанный потом, несоразмерно большой арестантский серый халат с жёлтым бубновым тузом на спине и отправили в Шлиссельбургскую крепость. Там она пробыла в одиночном заключении двадцать два года» [3].

А вот некоторые другие свидетельства. Соратник Веры, народоволец И.И. Попов, так писал о ней: «С конца 1881 года имя В.Н. Фигнер уже было достоянием широких кругов общества и было окружено особым ореолом. Для нас, примкнувших к революции, В.Н. явилась, я бы сказал, сверх-революционером. Много говорилось о её красоте, изяществе, воспитанности, уме, умении держать себя во всех кругах общества, не исключая аристократических. Как революционер, она являлась для нас идеалом, женщиной с железной волей, одним, а с 1882 г. единственным вождём и водителем партии «Народной воли», не желающим покидать Россию и обрекшим себя на служение народу» [5].

Лев Тихомиров, член Исполкома «Народной воли», а впоследствии — монархист (! — разные были народовольцы, как и упомянутый Вересаевым Сергей Дегаев³), отзывался о В.Н. более критично и, по мнению современников, вследствие радикальной переориентации, несправедливо: «Фигнер сама по себе очень милая и до мозга костей убеждённая террористка. Увлекала она людей много, больше своей искренностью и красотой. (Ах, Лев Александрович, ровесник Веры; отрекшись от «Народной воли», гордился, что ни с кем из соратников не сводил счёты. А перед смертью в 1923 году всё-таки успел обругать её книгу воспоминаний, дескать, недостаточно отобразила его борьбу с царизмом!) Но, собственно, она ровно ничего не смыслила в людях, в голове её был большой сумбур, и, как заговорица, она хороша была только в руках умных людей (как А. Михайлов или Желябов). «Старые» деятели терроризма пришли бы в ужас от одной мысли, что Фигнер руководит делами. Она была незаменимая агитаторша. В полном смысле красавица, обворожительных, кокетливых манер, она увлекала всех, с кем сталкивалась. Между прочим, она принимала большое уча-

стие в создании петербургской военной организации. Но у неё было полное отсутствие конспиративных способностей. Страстная, увлекающаяся, она не имела понятия об осторожности, её близким другом сделался Дегаев, который впоследствии выдал её самым бессовестным образом» [2].

Лев Тихомиров, как кажется, здесь вполне искренен, отдаёт должное как очарованию Веры, так и её роли в создании и деятельности боевой организации народовольцев в Петербурге. Достаточно вспомнить детали подготовки к убийству царя: кое-кто из соратников предлагал перенести покушение вследствие недостаточной подготовки, но Вера, вместе с Перовской, настояла на первом марта. И всю ночь накануне трагедии, в подвале на Малой Конюшенной, вместе с Кибальчицем и парой друзей, лихорадочно собирала бомбы...

Активный участник событий тех дней Лев Тихомиров позже «пошёл другим путём». После убийства царя уехал в Швейцарию, потом во Францию; понаблюдав тамошнюю лукавую демократию, резко «переобулся» в монархиста, написав труд «Почему я перестал быть революционером». Император «отречение» оценил и в 1889 году разрешил вернуться в Россию. После 1905 года Тихомиров разработал любопытную, знакомую по нынешним временам, схему реформ системы, как он называл, «думской монархии». Он полагал, что «представительством могут пользоваться только гражданские группы, а не элементы антигосударственные, как ныне. В законодательных учреждениях не могут быть представительства ни от каких групп, враждебных обществу или государству...» [2].

По мнению современников, триумф революции был для Тихомирова, как монархиста и религиозного философа, каковым он стал на рубеже эпох, большим наказанием. От политики он отошёл, работал в Сергиевом Посаде делопроизводителем в школе, пенсии не было, жил скудно. В 1922 году, за год до смерти, попросил помощи у Комиссии по улучшению быта учёных; несмотря на сильно подмоченную репутацию Льва Александровича, просьбу поддержали оставшиеся в живых народовольцы Михаил Фроленко и Вера Фигнер...

Кстати, М. Фроленко, имя которого никогда не было «на слуху», тоже был членом исполкома «Народной воли», участвовал в подготовке убийства царя, был арестован и приговорён к смертной казни, заменённой каторгой. Сидел в Петропавловской крепости и, как и Вера, в Шлиссельбурге в общей сложности 24 года.

³ Будущий профессор математики в США Александр Пелль. История Сергея Дегаева — невероятный сюжет, заслуживающий отдельной статьи. Да они и написаны и, даже, есть что-то в сюжетах Акунина. Стипендия доктора А. Пелля до сих пор вручается успешным студентам университета Ю. Дакоты. Как не вспомнить циника, «короля беспринципности» Талейрана: «Во время предать — это значит предвидеть».

Россию не покинул, после революции был в составе «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», вместе, как значится во многих источниках, с Верой Фигнер и другими видными участниками революционного движения. Михаил Фёдорович умер в 1938 году в возрасте 89 лет. Примечательно, что за два года до кончины вступил в ряды ВКП(б).

На самом деле Вера Николаевна не была членом Общества политкаторжан, и это ещё один яркий штрих к её необыкновенному нравственному портрету.

Знатный партиз с нарочито сермяжным псевдонимом Емельян Ярославский, поздравляя Веру Николаевну от имени Общества с 80-летним юбилеем 7 июля 1932 года, писал: *«О том, что Вы не состоите членом нашего общества, я с изумлением и огорчением узнал только сегодня, в день Вашего юбилея... Кроме того, я выражаю уверенность, что Вы, подобно всем нашим товарищам, вступите в члены Общества б. политкаторжан и ссыльных».*

Через десять дней В.Н. ответила блестящим документом, актуальным и сегодня, который не могу не привести полностью:

«Ваше извещение от 8.VII привело меня в смущение и побуждает объяснить вам, почему до сих пор принципиально я не вступила в О-во.

1). Я принципиальная противница смертной казни и дважды вместе с некоторыми старыми товарищами по революционному движению подавала во ВЦИК петицию об отмене ее.

Между тем О-во, втянутое в политику, ставится иногда в необходимость высказаться по поводу применения этой репрессии и, увы, выражает одобрение применению ее.

2). Не зная современного метода политического расследования дел, в которых на карте стоит свобода и жизнь человека, не зная, чем вызываются признания подследственных виновности своей при полном отсутствии ее, О-во, втянутое в политику, ставится в необходимость давать резолюцию, одобряющую деятельность ГПУ, и, увы, дает одобрительную санкцию.

3). Следуя тому, что делается в правительственных учреждениях, О-во, втянутое в политику, производит “чистку”, употребляя недопустимое вторжение во внутреннее “я” человека, и практикует то, что возмущает всех мыслящих людей унижением человеческой личности, — вместо того, чтобы поднять свой голос против этого метода контроля, противоречащего всей нашей прежней революционной этике.

4). Втянутое в политику О-во, как все русские граждане, стремившиеся к свободе, гражданскому и социальному равенству, терпят неравенство, имея монопольную политическую фракцию и подъяремное большинство, именуемое беспартийным. Положение этих двух сторон я считаю ненормальным и для составляющих большинство — унижительным.

...Находясь официально вне О-ва, я всегда чувствовала тягость своего положения: революционная среда — моя родная среда. С О-вом, с совокупностью его членов я связана неразрывными узами, связана всей жизнью, жизнью революционера и жизнью человека.

Со стороны товарищей — членов О-ва я всегда видела хорошее, теплое отношение: мне было приятно слышать, когда с особенным чувством кто-нибудь говорил: “Наша Вера Николаевна”.

...Я пишу вам все это, руководствуясь единственно тем, что не могу и не хочу получить знак доверия и почта воровским способом. Судите сами!

У меня же нет ни мелкого тщеславия, ни мелкого честолюбия.

Вера Фигнер» [2].

Приведённое письмо, — «живой» голос уже 80-летней Веры Николаевны, — свидетельство принципиальной позиции, бесстрашия и красоты натуры, пронесённых через все невзгоды и разочарования. Несколько смущает, правда, её праведный взгляд на смертную казнь — взгляд убийцы царя, что называется, «без суда и следствия». Но вернёмся в застенки, в её двадцатилетний Шлиссельбург 1883–1904 годов.

Шлиссельбургская крепость — тюрьма на 40 камер, предназначенная для особо опасных политических заключённых, была известна строжайшим режимом, без каких-либо посещений; на каждого узника приходилось по 25 солдат охраны во главе со свирепыми надзирателями. По свидетельству современников, заключение здесь Александр III считал страшнее смерти.

Тюремщики часто повторяли, что из Шлиссельбурга не выходят, а выносят. Суть режима убедительно выразил один из самых жестоких надзирателей по фамилии Соколов, по прозвищу Ирод: *«Если прикажут говорить заключенному “ваши сиятельство”, буду говорить “ваши сиятельство”.* Если прикажут задушить, задушу» [7]. В самом деле, в крепости с 1884 по 1906 год казнили 13 человек, умерли 15 человек, трое покончили жизнь самоубийством и 5 человек сошли с ума.

Тридцатилетнюю Веру поместили в камеру № 26. Во втором томе воспоминаний «Когда

часы жизни остановились» она описывает смятение самых тяжёлых первых дней: «...мужайся, Вера, и крепись; вспомни весь народ русский, как он живет; вспомни всех обездоленных мира; вспомни подавляющий труд, жизнь без света радости; вспомни унижение, голод, болезнь и нищету!..

...Будь тверда! Не плачь, что у тебя отняли мать, которую не отнимают у гнусного растлителя и корыстного убийцы... Не плачь о неудачах борьбы, о погибших товарищах... Не плачь над развалинами, которые покрыли поле твоей жизни!..

...Не бойся! Не бойся! В этой таинственной тиши, за этими глухими камнями невидимо присутствуют твои друзья. Не одной тебе здесь тяжело, тяжело и им... Ты не одна... ты не одна!» [7].

...Потекли дни, недели, месяцы, годы. Ка торга «без срока». Человек привыкает ко всему. Вера и здесь среди сидельцев приобрела удивительный авторитет. Уже в начале нового XX века тюрьму инспектировал представитель Министерства внутренних дел полковник Каиров, — беспощадно вскрывал нарушения режима; при этом Вере Николаевне посвятил в рапорте специальный пункт:

«Арестантка № 11 составляет как бы культ для всей тюрьмы, арестанты относятся к ней с величайшим почтением и уважением, она, несомненно, руководит общественным мнением всей тюрьмы, и её приказаниям все подчиняются почти беспрекословно; с большой уверенностью можно сказать, что проявляющиеся в тюрьме протесты арестантов в виде общих голодовок, отказывания от гуляний, работ и т.п. делаются по её камертону» [2].

...В литературе о В.Н. есть некоторые расхождения — 20 или 22 года провела она в тюрьме. Всё просто: после ареста, до двадцатилетнего заключения в Шлиссельбурге, она почти два года ждала суда в Петропавловской крепости.

...Спустя несколько недель после ареста в камеру в Трубецком бастионе «вошёл высокий пожилой жандармский генерал с лицом довольно красивым и симпатичным». Тонко чувствующая слово Вера Николаевна не случайно, думаю, поставила рядом эти два эпитета, которые в таком соседстве выглядят как-то неловко. Но, в самом деле, красивый человек может быть и вовсе несимпатичным. Несмотря на принятую после развода с Филипповым революционную аскезу и тюремную обстановку, Вера молодая, хороша собой и чувствует собеседника...

Генерал представился и сообщил, что ему поручено расследование политической пропа-

ганды в войсках империи. Надо признать, что среди народовольцев было немало блестящих офицеров, решительно не принимавших самодержавный строй. «Он взял мою руку и, несмотря на сопротивление, поцеловал её. “Вы хороший человек, — сказал он. — Ваше несчастье, что, выйдя замуж, вы не имели детей”». Вера Николаевна никак не комментирует это заявление генерала, назвав его лишь «оригинальным вступлением», а, между тем, оно, как мне кажется, является одним из ключевых, скажем так, холодных кристаллов её горькой женской судьбы.

На вопрос В.Н. о масштабах будущего процесса, каким его видит генерал со столь широкими полномочиями, гость ответил: «Нет, создавать большого дела я не намерен, суду будут преданы лишь самые деятельные». В.Н. замечает, что генерал сдержал слово. Завершая визит, генерал заметил, что он не сторонник существующей системы, что любит свободу, но политическим убийствам не сочувствует: «Я понимаю борьбу на баррикадах, но не удар кинжалом из-за угла» [6].

Здесь, в Трубецком бастионе, Вера узнала о предательстве Дегаева: ей показали его рапорты, переплетённые полицией в отдельную тетрадь. Это был неожиданный и страшный удар. На его фоне поблекли даже письменные раскаяния некоторых народовольцев-офицеров, с которыми её одновременно познакомили. О провокаторе она писала: «Это был не провинциальный офицер, окружённый уездной серенькой средой, неопытный и никогда не бывавший в лапах полиции. Он четыре года действовал на революционном поприще среди отборной группы товарищей... и имел совершенно определённую политическую репутацию... Испытать такую измену значило испытать ни с чем не сравнимое несчастье...» [6].

Дегаев, как сегодня видится, не был профессиональным провокатором, систематически ведущим двойную игру, как позже Азеф. Скорее он не был и банальным отступником, предателем (хотя, конечно, был), но он был игрок, судя по его американской карьере — талантливый; «делал свои ставки» в зависимости от конъюнктуры момента и расклада сил. Ставки были невероятно высоки, но он, увы, выиграл.

Вера Николаевна вспоминает: «Мне хотелось умереть. Хотелось умереть, а надо было жить. Я должна была жить, жить, чтобы быть на суде — этом заключительном акте деятельности активного революционера. Как член Исполнительного комитета, я должна была сказать своё слово — исполнить послед-

ний долг, как его исполняли все, кто предварил меня. И, как товарищ тех, кого предал Дегаев, я должна была разделить до конца участь, общую с ними» [6].

Речь Веры Николаевны на суде, её последнее слово, — несколько страниц убористого текста, — невероятно цельная убедительная вещь, — безупречная логика, ничего лишнего, ровный, полный достоинства стиль — её надо читать собственными глазами, пересказывать — вздор. Недаром потом она распространялась как талантливая прокламация революционеров. Ограничусь лишь двумя-тремя заключительными фразами: *«Моя предыдущая жизнь привела меня к убеждению, что единственный путь, которым данный порядок может быть изменен, есть путь насильственный. Мирным путем я идти не могла: печать, как известно, у нас не свободна, так что думать о распространении идей посредством печатного слова невозможно... Собственно, я не придаю практического значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия...»*

Я считаю самым главным, самым существенным, чтоб явились такие условия, при которых личность имела бы возможность все-сторонне развивать свои силы и всецело отдавать их на пользу общества. И мне кажется, что при наших порядках таких условий не существует» [6].

Каким был приговор 28 сентября 1884 года, мы уже знаем.

О безупречном авторитете тридцатилетней Веры не только у соратников, но в среде охраны, и даже о некотором, скажем так, благородстве в отношении известной узницы и осуждённых «господ офицеров», говорит и такой, исполненный, если хотите, античной трагедии факт. После суда, ещё до «помилования» двенадцати осуждённых из четырнадцати, к ней в камеру пришёл смотритель дома предварительного заключения, морской офицер в отставке.

«— Военные, приговоренные к смертной казни, решили подать прошение о помиловании, — сказал он. — Но барон Штротберг колеблется и просил узнать ваше мнение, как поступить ему: должен ли он ввиду желания товарищей тоже подать прошение или, не примыкая к ним, воздержаться от этого?»

— Скажите Штротбергу, — ответила я, — что никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама.

Смотритель с укором глядел мне в лицо.

— Какая вы жестокая! — промолвил он» [6].

Из шести осуждённых офицеров были казнены двое: Александр Павлович Штротберг, лейтенант флота 30-ти лет и Николай Михайлович Рогачёв, артиллерийский поручик, дворянин 28-и лет; повешены в Шлиссельбурге 10 октября 1884 года.

* * *

...Сочиняя эти эмоциональные, полные симпатии и сочувствия героине, несистематические заметки, ничего не могу с собой поделывать: смотрю на Веру Николаевну глазами влюблённого в неё Вересаева, которого почитаю со студенческих «медицинских» времён. При этом, пересказывать классика — дурной тон, потому ничего не остаётся, как опять цитировать. В своих воспоминаниях Викентий Викентьевич горяч, страстен, можно сказать, пылок, хронологии не придерживается: эпизоды двадцатых годов прошлого века перемежаются с дореволюционными, и наоборот. (Так невольно и у меня здесь, в этих заметках.) *«Она невысокого роста. Губы решительные, властные, во всём что-то благородно-соколиное. Но иногда при разговоре вдруг брови поднимаются, как у двенадцатилетней девочки, и всё лицо делается трогательно-детским. Но какая красота! Какая красота!»* [3].

Вересаев, знавший в женщинах толк, как было отмечено, познакомился с В.Н. в 15–16-х годах, следовательно, его восторги, которым у нас нет оснований не доверять, относятся ко времени, когда В.Н. была уже отнюдь не юна. И тем не менее: *«Какая красота!»*. Невольно увлекаешься вместе с ним.

Опять-таки вместе с ним возвращаемся в Шлиссельбург, где В.Н. год за годом поддерживает не только интеллектуальный тонус (*«...если я писательница, то меня сделал ею Шлиссельбург»*), но и физическую форму: вышагивает по крохотной камере из угла в угол, как отмечает её биограф Элеонора Павлюченко, *«до десяти вёрст в день»*. Вересаев останавливается на эпизодах, когда В.Н. с товарищами (перестукиваясь⁴) объявляли голодовку. Некоторые, в отличие от Веры, не выдерживали и, что называется, сходили с дистанции. Спортивная метафора, увы, не вполне уместная, но точная.

В другой раз, уже не рассчитывая на стойкость союзников, голодала одна: *«В объяснении с офицером-смотрителем она сорвала с*

⁴ Это был специальный, примитивный, но понятный тюремный код. Хотя азбука Морзе, её русский вариант, в России уже была известна. Но узникам было не до её освоения.

него погоны (выделено мной, — под угрозой причитающейся ей за это бессудной казни! — А.Щ.), — *величайшее для офицера бесчестие*, — *чтобы её судили и там она бы могла рассказать о всех незаконных притеснениях, чинимых над ними. Несколько месяцев она жила в ожидании суда с неминуемо долженствовавшей последовать смертной казнью. Но дело предпочли замять*» [3].

Буквально на следующей странице Вересаев приводит эпизод уже из 20-х годов, когда В.Н. подарила ему только что вышедшую книгу «Запечатленный труд». Это 1921–1922 год: *«Позвольте, например, узнать, — вы этого в своей книге не объясняете, — почему товарищи называли вас “Топни ножкой”»*?

Вера Николаевна засмеялась.

— Потому что у хорошеньких женщин есть привычка топтать ножкой.

Ну, разве от одной этой подробности образ “стальной революционерки” Веры Фигнер не становится живее, ближе и милее?» [3].

Сердечно присоединяемся.

* * *

Шестеро детей в семье Николая Александровича Фигнера и Екатерины Христофоровны, урождённой Куприяновой — дочери крупного помещика, уездного судьи Христофора Петровича Куприянова. Суровый и строгий отец семейства был выходцем из дворянского рода лифляндских немцев принадлежал, по некоторым источникам, к боковой ветви Героя Отечественной войны 1812 года, полковника русской армии, одного из создателей партизанского движения Александра Фигнера (1787–1813). Молодой полковник был беспощадным и жестоким к врагу воином, первоклассным командиром, изобретательным разведчиком, и погиб в бою уже на вражеской земле. Как знать, возможно, его впечатляющие черты передались и потомкам.

Вера была старшей из детей; после неё родились три сестры и два брата. В книгах Веры Николаевны и других многочисленных источников подробно описаны их незаурядные судьбы, всегда можно познакомиться.

Подчеркнём лишь одну неожиданную для непосвящённых деталь: все четыре сестры, — слабый пол, — стали народовольцами, узниками режима, ссыльными, подвергались репрессиям той или иной меры жестокости.

А братья... С ними не так. Старший, Пётр (1855–1916), стал выдающимся горным инженером, руководителем горных и металлургических предприятий России, талантливым радио-

нализатором литейного дела, крупным предпринимателем, статским советником. Правда, поначалу, будучи студентом Горного института в столице, был замечен в некотором вольнодумстве, и, даже ненадолго арестован за участие в студенческих волнениях. Вторым и, насколько известно, последним эпизодом его революционной деятельности был арест в 1879 году за причастность к кружку, близкому к «Земле и воле».

Пётр Николаевич, как видим, сделал изрядную карьеру, был награждён орденом св. Станислава; в браке с супругой Анной Ивановной детей не нажил, умер всего 60 лет в 1916 году. Несмотря на яркую и противоправную революционную деятельность родных сестёр, особенно Веры, карьера и личная жизнь Петра Николаевича не пострадали.

В ещё большей степени это касается и брата Николая — двумя годами младше Петра (1857–1918), который стал выдающимся оперным певцом. Однако, опять-таки, несмотря на более чем неоднозначные семейные обстоятельства, связанные с активностью родных сестёр, Николай Николаевич в 1887 году стал солистом Императорских театров, в 1895-м получил официальное звание Солиста Его Величества, с 1912 года был уже действительным статским советником (по военной табели — генерал-майором). Надо признать, что хлопотам Николая Николаевича и их матери Екатерины Христофоровны Вера Николаевна обязана заменой её вечной каторги на 20-летний срок и освобождением из Шлиссельбурга в 1903 году. Правда, мама Веру из тюрьмы не дождалась...

* * *

После Шлиссельбурга Вера Николаевна напряжённо искала своё место в общественной жизни и дальнейшей борьбе. В рядах эсеров, после знакомства с Савиновым в 1907 году, она состояла недолго, до разоблачения в 1908 году главы их боевой организации, профессионального провокатора Евно Азефа. Она до конца, в силу своей чистоты и доверчивости, а, может, и некоторой упёртости, не верила в его предательство, как и в давнем, трагичном для неё, случае с Сергеем Дегаевым. Марк Алданов в очерке «Азеф» представил все детали разоблачения провокатора публицистом В.Л. Бурцевым. Состоялось 18 заседаний суда чести эсеров, и даже после 17-го Вера Николаевна, выходя, сказала Бурцеву: *«Вы ужасный человек, вы оклеветали героя, вам остаётся только застрелиться!»*. Бурцев тогда ответил:

«Я и застрелюсь, если окажется, что Азеф не провокатор!...» [1].

Оставаться вне борьбы, вне какой-либо реальной политической силы, Вера Николаевна, видимо, не могла. Некоторые источники говорят о том, что в канун революции она была близка к партии Конституционных демократов, членом ЦК которой был Захар Френкель. И даже баллотировалась в Предпарламент (предтечу Учредительного собрания) от партии кадетов.

На выборах в I Думу уверенную победу одержала партия конституционных демократов — 34,1% всего состава Думы (153 мандата); позже их фракция увеличилась на 20–25 человек, — к ним присоединились беспартийные кандидаты, разделявшие взгляды кадетов.

Несмотря на то что кадеты, по разным причинам, к 1917 году изрядно растеряли свой авторитет, их политические установки, видимо, оставались близкими к взглядам Веры Николаевны, что обусловило её позицию в период выборов в Предпарламент. На предыдущих страницах, приводя прямую речь В.Н., мы уже коснулись её отношения к драматическим событиям лета и осени 17-го. А теперь чуть подробнее.

Февральскую революцию Вера Николаевна встретила с нескрываемым энтузиазмом. Уже 28 февраля она выступала на большом собрании делегатов, избранных от российского Красного Креста, политкаторжан, ссыльнопоселенцев, и Шлиссельбургского комитета. Собрание сформировало Комитет помощи политкаторжанам во главе с В.Н. Фигнер и её заместителем Ольгой Львовной Керенской⁵.

В недолгие, увы, месяцы Февральской революции уже не столь молодая Вера Николаевна была невероятно популярна и практически ежедневно пребывала в гуще событий. В автобиографии 1926 года она вспоминала, что только публичных выступлений было шестьдесят...

При этом у неё не было особенной эйфории. Даже наоборот, появилась некоторая настороженность; припомним письмо двоюродной сестре Н.П. Куприяновой, которое процитировано в начале статьи: «У меня лично <...> с самого начала не было радостного возбуждения, великого чаяния, что свобода будет водворена без тяжких потрясений...». Обратим внима-

ние, что В.Н. писала эти строки не после Октября, когда всё было ясно, а, — скажем возвышенно, — в Дни Надежды...

Автор недавней научной биографии Веры Николаевны А.В. Воронихин в своей книге перечисляет некоторые выступления В.Н. в разных аудиториях вместе с Керенским, Плехановым, Милюковым, Горьким, Маяковским и другими яркими фигурами [4]. Он также цитирует воспоминания посла Франции в России Мориса Палеолога (француза румынских кровей) о крупном собрании «общественности» в Мариинском театре 7 апреля. Приведём некоторые впечатления француза, они стоят того: «...интерес всего зала сосредоточен на большой императорской ложе. Тут Морозов, Лопатин, Вера Фигнер, Вера Засулич и пр. Концерт начинается “Марсельезой”, которая теперь сделалась русским гимном... Затем длинная речь министра юстиции Керенского. Искусная речь; ...дикция резвая, отрывистая; жест резкий, неожиданный, повелительный...

Шёпот симпатии и какого-то благоговения проносится по залу: какая-то безмолвная оvação. Это Вера Фигнер появилась на сцене, на месте дирижёра оркестра. Очень простая, с гладко причёсанными седыми волосами, одетая в чёрное шерстяное платье, с белой косынкой, она похожа на знатную старую даму. Ничто не обнаруживает в ней страшной нигилистки, какой она была некогда, во время своей молодости. <...> Тоном спокойным, ровным, без малейшего жеста, без малейшего повышения голоса, в котором бы промелькнула резкость или напыщенность, горечь злопамятности или гордость победы, она поминает бесчисленную армию всех тех, кто безвестно пожертвовал жизнью для настоящего торжества революции, кто анонимно погиб в государственных тюрьмах и на каторге в Сибири. <...>

Последние фразы, произнесённые более медленно, имеют непередаваемый оттенок грусти, покорности, жалости. Может быть, одна только славянская душа способна на такой резонанс. <...> Большинство присутствующих плачут...»⁶ [4].

* * *

Октябрь 17-го биограф А.В. Воронихин, уже в наши дни, вслед за советскими интерпретаторами,

⁵ Более чем драматическая судьба Ольги Львовны, оставшейся после Октября в России без средств, с двумя сыновьями и, позже, за границей, после развода с Александром Федоровичем Керенским, заслуживает отдельного повествования.

⁶ Удалось найти эту речь Веры Николаевны. Борюсь с искушением привести её здесь целиком — это торжество достоинства и интеллекта. Но это не для статьи, и так пересыщенной цитатами. Надо писать книгу.

всё ещё называет Великой Октябрьской социалистической революцией, которую героиня его книги, как он пишет, «не приняла». Ближе к истине формулирует сама В.Н., слова которой автор тут же и приводит: «Переворот 25 октября ст.ст., которым началась наша социальная революция, и всё последовавшее затем, я пережила крайне болезненно», — запишет она в 1926 году [4].

Так или иначе, надо было жить. И, зная нашу послереволюционную историю, что греха таить — выживать. Как говорит нынче наш известный публицист (что справедливо), себя цитировать негоже. Но всё же рискну, поскольку судьбы академика Френкеля и В.Н. в исторических вехах довольно близки, особенно на осеннем переломе 17-го года. О Френкеле тех дней в главе «Лихолетье» в 2009-м я писал: «Послереволюционная часть воспоминаний Захара Григорьевича озаглавлена нейтрально: “Научно-педагогическая деятельность в советские годы”, и изложена, как кажется, уже на ином уровне эмоциональности, в каком-то другом психологическом регистре, отличном от характера описания, теперь уже прошедшего, — времени больших надежд.

Сегодня можно только предполагать, что чувствовал З.Г. Френкель с его десятилетиями сложившимся, истинно демократическим мировоззрением, плодотворными, но нереализованными идеями земского самоуправления — актуальными, но не востребованными и сегодня, — что было в его душе после октябрьского переворота и в последующие годы советской власти. Бывший депутат Думы, один из руководителей партии кадетов, активный деятель Февральской революции, жёстко критиковавший большевиков — с таким политическим анамнезом после революции надо было ещё выжить. Захару Григорьевичу повезло» [8].

Вере Николаевне, если иметь в виду печальные исходы большинства старых революционеров, повезло тоже. Она нашла свою нишу в литературной⁷ и общественной работе, пользовалась глубоким уважением соотечественников. И сохраняла редкую и рискованную независимость и верность своим идеалам; достаточно вспомнить приведённую ранее её дискуссию с Емельяном Ярославским.

В сети вокруг имени Веры Николаевны циркулирует яркая легенда, вполне способная

быть правдой; первоисточника найти не удалось. Будто бы, когда в 30-х годах тучи сгустились над её роднёй, В.Н. позвонила Сталину со словами: «Иосиф! Я отсидела в Шлиссельбурге 20 лет и думаю, что этого достаточно. Оставь мою семью в покое!», и вождь действительно оставил семью в покое... История красивая, что и говорить, но достоверность её, по ряду признаков, весьма сомнительная.

С этой легендой, иллюстрирующей авторитет героини, созвучен текст письма другого мученика идеи, хорошего писателя, несчастная короткая личная жизнь которого гораздо ближе моему поколению. Николай Островский писал Вере Николаевне 9 сентября 1933 года:

«Хочу лишь одного, чтобы мое письмо пердало хотя бы частичку того глубокого чувства уважения и гордости за Веру Фигнер, переживаемого мной сейчас, когда мне читают Ваши книги.

Вам, наверное, много пишут, и мое письмо может затеряться в Вашей памяти. Я его пишу как привет...

Мне 29 лет. В прошлом я — кочегар. Не окончил начальную школу. Стал наёмным рабочим с двенадцати лет. Пятнадцать лет вступил в Комсомол и в Революционную армию. Два года боев. Два тяжёлых ранения, потеря глаза, тяжёлая контузия. Затем опять мастерские, работа в комсомоле. С двадцать восьмого года я парализован, неподвижен, потерял последний глаз. Пять лет напряжённой работы, и как результат, две книги о былом, о нашей мятежной юности. Я — один из Молодой гвардии большевиков. Железная партия воспитала нас. Мы — рожденные бурей...

Примите же этот горячий привет от одного из Ваших “партийных внучат”.

Залитое кровью бойцов знамя «Народной воли» — наше знамя.

Сжимаю Ваши руки. Н. Островский» [2].

Выделенные мной строки изъяты из текста, помещённого в трёхтомник писателя, выпущенный в 1955 году. Это вмешательство в авторский текст значительно снижает уровень доверительности тёплого послания...

* * *

Главу о В.Н. в книге о Френкеле я закончил так: «Да простит меня читатель — о Вере Фигнер надо писать другую книгу — да такие книги уже и написаны. Замечу лишь: когда в начале войны ей предложили эвакуироваться, и врачей тревожило, выдержит ли переезд почти не покидавшая постели девятилетняя

⁷ В 1929 г. все воспоминания В.Н. Фигнер, а также ее очерки, статьи и письма вышли отдельным изданием в шести томах, а в 1932 г. переизданы в семи томах. Мнение И.А. Бунина о её трудах мы уже знаем.

женщина, Вера Николаевна сказала: “*пусть заботятся о живых*”»...

Если эти слова тоже легенда, то она вполне в духе Веры Николаевны Фигнер — прекрасного мужественного человека, которого грех не вспомнить добрым словом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алданов М.А. Портреты. В 2-х томах. Т. 2. М.: Захаров; 2007.
2. Вера Николаевна Фигнер. Доступно по: <http://narodvol.narod.ru/Person/figner.htm> (дата обращения 27.05.2022).
3. Вересаев В.В. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Правда; 1961.
4. Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.-Саратов: Common place; 2020.
5. Попов И.И. Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 гг. В кн.: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М.: Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; 1928: 49–80.
6. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М.: Изд. социально-экономической литературы «Мысль»; 1964.
7. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 2. М.: Изд. социально-экономической литературы «Мысль»; 1964.
8. Щербо А.П. Захарий Григорьевич Френкель. Жизнь длиною в век. СПб.: Изд. СПбМАПО; 2009.

REFERENCES

1. Aldanov M.A. Portrety. [Portraits]. V 2-kh tomakh. T. 2. Moskva: Zakharov Publ.; 2007. (in Russian).
2. Vera Nikolaevna Figner. [Vera Nikolaevna Figner]. Available at: <http://narodvol.narod.ru/Person/figner.htm> (accessed 27.05.2022). (in Russian).
3. Veresaev V.V. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. [Collected works in five volumes]. T. 5. Moskva: Pravda Publ.; 1961. (in Russian).
4. Voronikhin A.V. Vera Nikolaevna Figner. Vzglyad na zhenshchinu russkikh revolyutsiy iz XXI veka. [Vera Nikolaevna Figner. A look at the woman of the Russian revolutions from the XXI century]. Moskva-Saratov: Common place Publ.; 2020. (in Russian).
5. Popov I.I. Revolyutsionnye organizatsii v Peterburge v 1882–1885 gg. [Revolutionary organizations in St. Petersburg in 1882–1885]. In.: Narodovol'tsy posle 1-go marta 1881 goda. Moskva: Izd. Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev; 1928: 49–80. (in Russian).
6. Figner V.N. Zapechatlennyy trud. [Imprinted work]. Vospominaniya v dvukh tomakh. T. 1. Moskva: Izd. sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Mysl'; 1964. (in Russian).
7. Figner V.N. Zapechatlennyy trud. [Imprinted work]. Vospominaniya v dvukh tomakh. T. 2. Moskva: Izd. sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Mysl'; 1964. (in Russian).
8. Shcherbo A.P. Zakhariy Grigor'evich Frenkel'. Zhizn' dlinoyu v vek. [Zachary Grigorievich Frenkel. A century-long life]. Sankt-Peterburg: Izd. SPbMAPO; 2009. (in Russian).